

Эдуард ПАСКА

О ПОСТРОЕНИИ ПОКАЗАТЕЛЕЙ СОЦИАЛЬНОЙ ОБУСЛОВЛЕННОСТИ ПРЕСТУПНОСТИ

Как всякое конкретно-социологическое исследование основывается на фактическом материале, на результатах социологического измерения изучаемой действительности, так и исследование социальной обусловленности преступности немислимо без проведения соответствующих социологических измерений, с помощью которых собирается эмпирический материал, способный адекватно отображать те реальные процессы и явления социальной действительности, которые порождают преступность.

Методологические и методические основы исследования социальной обусловленности преступности, а следовательно, и проводимых в процессе такого исследования социологических измерений разрабатываются на стадии составления программы исследования. Однако для того чтобы непосредственно приступить к измерению интересующих нас процессов и явлений, недостаточно знать, что и как измерять, необходимо также иметь определенную систему показателей — инструментов социологического измерения, посредством которых можно получить нужную нам информацию. Построение этих показателей — весьма важный и ответственный этап социологического измерения вообще и измерения обстоятельств, порождающих преступность, в частности.

Свойства, качества социальных объектов не всегда доступны непосредственному наблюдению и измерению. Кроме того, при измерении социальных объектов необходимо учитывать, что мы, как правило, имеем дело с интегративными системами, свойства и качества которых непосредственно невыводимы из известных (наблюдаемых) свойств и качеств компонентов. Поэтому очевидно, что социологическое измерение не сводится к простому накоплению различного рода количественных характеристик (статистических данных и т. п.) о состоянии и изменении изучаемого объекта. Данные сами по себе ничего не измеряют, т. е. не являются показателями, инструментами социологического измерения. Это явствует уже из того, что данные, равно как и другие количественные характеристики состояния и развития социальных объектов, не однозначны, а приобретают различный смысл в зависимости от специфики теоретических подходов к объекту. Отсюда вытекает, что построение показателя — это по существу процедура конструирования определенного алгоритма, позволяющего содержательно и однозначно интерпретировать связи между объектом измерения, с одной стороны, и различными количественными характеристиками этого объекта, с другой.

Обоснование показателя как инструмента социологического измерения начинается с теоретического познания изучаемого объекта. В результате разрабатывается некоторая концепция (образ, концептуальная модель) подлежащей измерению действительности, на основе которой посредством операционализации и становится возможным конструирование показателей. Так как операционализация включает экспериментальную ситуацию, в частности проверку эмпирической обоснованности

теоретических определений, концептуальной модели в целом, процедура обоснования и построения показателей выходит за рамки теоретического познания объекта и превращается в процесс эмпирического поиска фиксируемых количественных характеристик состояния и развития изучаемой действительности.¹

Специфика показателя определяется его функцией — отображать свойства и качества изучаемого объекта. Поэтому вопрос о форме представления показателя не является существенным, т. е. то обстоятельство, используется ли в качестве эмпирического референта показателя определенный фрагмент действительности (показатель — явление) или же статистические данные, отображающие изучаемую действительность (показатель — данные), принципиального значения не имеет. Проблема не в форме представления показателя, а именно в конструировании концептуальной модели, раскрывающей связи между измеряемым объектом, инструментом измерения и результатами измерения.

Особенностью социальных систем — объектов социологического измерения — является их динамичность, непрерывное развитие, причем последнее проявляется не только и не столько в количественных изменениях, сколько в возникновении новых качественных свойств. В связи с этим возникает проблема стабильности и изменчивости показателей как инструментов социологического измерения. Очевидно, с одной стороны, что для выявления количественных изменений в развитии социальных систем, в целях сопоставления результатов различных во времени измерений, было бы целесообразно пользоваться одними и теми же, т. е. стабильными показателями. С другой же стороны, следует полагать, что в условиях происходящих в развитии изучаемых социальных систем качественных изменений показатели также должны постоянно развиваться и качественно преобразовываться, ибо качественно новая действительность требует новых показателей, обеспечивающих ее адекватное отображение.

Вытекает ли отсюда противоречивость самой природы показателя? Да, действительно, показатель не может быть свободным от присущих ему противоречий, так как мы имеем дело с инструментом измерения внутренне противоречивой действительности. Однако требования стабильности и изменчивости показателя являются, на наш взгляд, противоречивыми, несопоставимыми не в абсолютном смысле, а лишь постольку, поскольку имеется в виду показатель вообще, т. е. скорее идея показателя, нежели реальный показатель. Так, например, можно говорить о показателях вообще в отношении образа жизни, состояния общественного организма, социальной обусловленности преступности и т. д., не конкретизируя при этом, какие именно моменты, качества, свойства отмеченных систем непосредственно отображаются соответствующими показателями.

Между тем каждый отдельный показатель, пусть это показатель образа жизни или какой-либо другой социальной системы, как инструмент измерения соотносится не столько с системой в целом, сколько с определенным ее свойством, качеством. Это значит, однако, что реальные показатели должны быть стабильными в отношении непосредственно измеряемых ими свойств системы, а не в отношении системы в целом. Возникновение новых свойств и качеств системы предполагает построение новых показателей, способных их адекватно измерять.

Практически это значит, что проблема противоречивости природы

¹ Подробнее о методологических и методических проблемах обоснования и построения социальных показателей см.: *Нерсесова Е. Х.* Гносеологический аспект проблемы социальных показателей. М., 1981; *Исследование построения показателей социального развития и планирования.* М., 1979; *Проблемы построения системы показателей образа жизни.* М., 1977.

показателя выходит за рамки качественно-количественной определенности отдельных показателей (реально существующих измерителей конкретных свойств и качеств действительности) и приобретает определенный смысл лишь в отношении системы показателей. Соответственно тому, как развивается и изменяется изучаемая система действительности, должна качественно изменяться и система инструментов познания, в частности система показателей.

Тем не менее было бы неверно утверждать, якобы отдельные показатели — компоненты определенной системы показателей — вообще не имеют никакого простора для развития и совершенствования. Они, несомненно, развиваются и совершенствуются, но главным образом в направлении количественного уточнения. Поскольку изменения отдельного показателя ограничены, в конечном счете, качественно-количественной определенностью измеряемого им свойства действительности, нельзя не заметить, что последняя, т. е. качественно-количественная определенность измеряемого свойства, служит своего рода мерой развития и совершенствования показателя. Выход за рамки этой меры означает потребность в новом показателе.

То обстоятельство, что каждый отдельный показатель представляет собой относительно стабильный инструмент социологического измерения, который не в состоянии отображать качественные изменения измеряемой действительности, определяет, в конечном счете, и практические возможности социологического измерения. Действительно, какой бы совершенной ни была система показателей для измерения какого-нибудь социального процесса, следует все же учитывать, что результаты измерения дают нам представление об объекте в его статике, а не в динамике. Это означает, что с помощью определенной системы показателей и в результате однократного измерения можно фиксировать только состояние измеряемой системы действительности, а не процесс ее развития. Для того чтобы «уловить» динамику измеряемого процесса, необходимо провести повторные измерения на основе усовершенствованных систем показателей.

Изменение, совершенствование системы показателей некоторого социального процесса определяется, таким образом, реальными изменениями самой изучаемой действительности. Однако изменчивость, постоянное развитие и совершенствование показателей, равно как и их системы, диктуется, кроме того, развитием и углублением концептуальной модели, в контексте которой показатели «работают». Разумеется, что при первом приближении к изучаемой действительности, в условиях дефицита информации, весьма трудно, если не невозможно, разработать во всех аспектах удовлетворительную концептуальную модель исследования. Как правило, речь может идти только о довольно-таки поверхностных, зачастую смутных теоретических соображениях, которые лишь условно можно называть концептуальной моделью изучаемой действительности. Поэтому ничего удивительного нет и в том, что на первых этапах исследования такими же поверхностными, расплывчатыми получаются и показатели и их система.

В процессе исследования, по мере накопления эмпирической информации об изучаемой действительности, возникает реальная возможность уточнить, усовершенствовать как лежащую в основе исследования теоретическую концепцию, так и связанную с ней систему показателей. Нельзя не заметить, что связь между развитием концептуальной модели и построенной на ее основе системой показателей обоюдна. Совершенствование концептуальной модели так же вызывает потребность в совершенствовании системы показателей, как более совершенная система показателей (вернее: полученная с ее помощью более качественная, адекватная информация) содействует дальнейшему развитию концептуальной модели.

В целом взаимообусловленность постоянного совершенствования определенной концептуальной модели и построенных на ее основе показателей можно изобразить по схеме: концептуальная модель — система показателей — измерение — интерпретация результатов измерения — уточнение концептуальной модели — усовершенствование системы показателей.

Итак, подытоживая вышеизложенное, можно сказать, что в конкретно-социологическом исследовании проблема показателей неразрывно связана с проблемой измерения, причем само измерение в социологических исследованиях заключается не в получении эмпирических данных. Социологическое измерение — это сложная процедура, в процессе которой на основе теоретического понимания объекта осуществляется переход к операциональному определению и затем к конструированию показателей, при помощи которых, с одной стороны, осуществляется непосредственное измерение, а с другой — переход от наблюдаемых признаков к концептуальной модели.²

На основе общего представления о сущности социологического измерения и природы показателя можно приступить к анализу проблем, связанных непосредственно с построением показателей социальной обусловленности преступности. При этом, на наш взгляд, целесообразно разложить весь рассматриваемый комплекс проблем на три относительно самостоятельных круга вопросов соответственно этапам процедуры построения показателей. Это, во-первых, проблемы, связанные с разработкой концептуальной модели социальной обусловленности преступности; во-вторых, проблемы, связанные с операционализацией (т. е. с поиском эмпирических значений теоретических смыслов) разработанной концептуальной модели, и, в-третьих, проблемы, возникающие на этапе собственно конструирования показателей как теоретически обоснованных и эмпирически содержательных инструментов измерения тех свойств и качеств социального организма, которые в конечном счете проявляют себя в различных характеристиках наличной преступности.

Нет сомнения, что разработка концептуальной модели — системной концепции процесса социального обусловливания преступности — представляет собой чрезвычайно сложную задачу. Это тем более очевидно, что с точки зрения последующих эмпирических процедур построения показателей и измерения разрабатываемая концептуальная модель не может быть слишком абстрактной, а наоборот, должна быть доступной эмпирической интерпретации. Иными словами, необходимо, чтобы все основные элементы концептуальной модели и взаимосвязи между ними имели бы эмпирические референты в изучаемой действительности.

Между тем процесс социального обусловливания преступности, который, образно говоря, берет начало из противоречий, возникающих на уровне социальных институтов, прокладывает себе путь через образ жизни (реальные условия жизнедеятельности) людей и выходит наружу, проявляясь в личностном поведении, не имеет явных, непосредственно наблюдаемых эмпирических проявлений на высших уровнях организации социального организма. Во всяком случае, можно сказать, что на уровне социальных институтов и образа жизни эмпирические проявления процесса социального обусловливания преступности, даже если они имеются, до такой степени «растворены» и скрыты, что уловить их посредством только теоретического анализа практически невозможно.

Отсутствие на уровне социальных институтов непосредственно наблюдаемых эмпирических референтов процесса социального обусловливания преступности объясняется главным образом тем обстоятельством, что преступность не является институционализированным процессом и, сле-

² См.: Батыгин Г. С. Содержание, логическая структура и типы социальных показателей. — В кн.: Проблемы построения системы показателей образа жизни, 51.

довательно, не может иметь прямых, эмпирически фиксируемых отношений с социальными институтами. Связи между деятельностью социальных институтов и наличной преступностью носят весьма опосредованный и сложный характер.

То же самое можно сказать и в отношении взаимосвязей между образом жизни и преступностью. Конечно, здесь гораздо легче выделить предполагаемо криминогенные обстоятельства, однако при этом следует иметь в виду, что по причине отсутствия в нашем обществе профессиональной преступности у нас не может быть и специфически преступного образа жизни. Но если это так, то не может быть и речи о прямых, непосредственных взаимоотношениях между наличной преступностью и образом жизни, т. е. исключается возможность найти на уровне образа жизни явные, однозначно интерпретируемые эмпирические референты процесса социального обусловливания преступности.

Что касается отдельных, предполагаемо криминогенных обстоятельств образа жизни (таких, например, как низкий уровень образования, занятость в сфере неквалифицированного труда, доминирующая ориентация на материальные ценности и т. п.), то ни одно из них в отдельности, само по себе не является однозначно криминогенным, а может получить криминогенное содержание лишь в сочетании с другими обстоятельствами. Так, например, низкий образовательный уровень может толкать индивида на преступное самовыражение прежде всего в такой социальной среде, где общественное признание и связанные с ним возможности социально одобряемого самовыражения и самоутверждения сопутствуют более высокому уровню образования. В этом смысле корреляции между отдельно взятыми обстоятельствами образа жизни, с одной стороны, и наличной преступностью, с другой, не являются однозначными и их нельзя воспринимать в качестве непосредственных эмпирических референтов процесса социального обусловливания преступности.

Таким образом, в действительности процесс социального обусловливания преступности представляется как чрезвычайно сложная система. Приступая к разработке концептуальной модели этого процесса, нельзя не учитывать, что компоненты рассматриваемой системы — социальные институты, образ жизни, личность, наличная преступность — сами суть системы, которые воздействуют друг на друга опосредованно. Так, интегративное влияние деятельности социальных институтов формирует определенные качественные и количественные характеристики образа жизни и через него типы личности, которые в определенных условиях социального пространства превращают совокупный преступный потенциал данного социального организма в наличную преступность. Ясно, что разработка концептуальной модели, способной достоверно описывать или, что еще сложнее, объяснять паутину такого рода пестрых, многократно опосредованных причинных взаимодействий — задача не из легких.

Тем не менее эта задача вполне разрешима. Но чтобы ее решить, необходимо, на наш взгляд, не прибегать к попыткам угадать посредством абстрактного теоретического анализа возможную структуру причинных связей в процессе социального обусловливания преступности, а, соединив теоретический подход с эмпирическим, сначала разработать т. н. исходную концептуальную модель, которая бы позволяла описывать и структурировать поверхностные слои процесса социального обусловливания преступности, и затем, на основе результатов первичных измерений, приступить к постепенному развертыванию и углублению этой исходной концептуальной модели.

Действительно, процесс социального обусловливания преступности, достигающий своими корнями недоступных непосредственному наблюдению пластов общественного организма, все же проявляет себя, как уже было сказано, через локализованную в социальном пространстве

наличную преступность. Если сравнить рассматриваемый процесс с айсбергом, то получается, что надводную часть айсберга составляет именно локализованная в качественно-количественно определенном социальном пространстве статистическая совокупность преступлений. Это и есть тот самый реальный, доступный эмпирическому измерению фрагмент действительности, на базе которого можно разработать исходную концептуальную модель процесса социального обусловливания преступности.

Между тем очевидно, что ориентированная на описание структуры взаимоотношений между наличной преступностью и характеристиками социального пространства ее локализации концептуальная модель является исходной не только и не столько формально, но и по существу. Она является исходной в том смысле, что основное внимание здесь уделяется выявлению и фиксации социальных свойств преступности, а не предполагаемым причинным связям. Конечно, социальные свойства преступности прямо или косвенно связываются с ее причинным комплексом, однако полностью отождествлять их нельзя. В связи с этим следует учитывать, что построенные на основе такого рода исходной концептуальной модели показатели являются показателями не собственно причинных связей, а лишь социальной природы преступности. Таким же образом проведенные при помощи этих показателей измерения не могут служить основой для выявления детерминирующих преступность факторов. Речь может идти только о выявлении значимых (с точки зрения последующих исследований причинных связей) социальных свойств преступности в конкретных социально-пространственных условиях.

Итак, можно сказать, что для разработки исходной концептуальной модели социальной обусловленности преступности имеются как теоретические, так и эмпирические предпосылки. Если эмпирической предпосылкой в данном случае выступает локализованная в определенном социальном пространстве статистическая совокупность преступлений (наличная преступность), то в теоретическом плане разрабатываемая концептуальная модель исходит из предположения, что социальные свойства преступности, будучи отображением более глубоких процессов детерминации феномена преступности, проявляются и обнаруживаются во взаимоотношениях преступности с другими социальными процессами и явлениями.

Отсюда, стало быть, вытекает и общая логика разработки исходной концептуальной модели социальной обусловленности преступности, построения соответствующих показателей, процедуры измерения в целом. Суть ее заключается, на наш взгляд, в том, чтобы, во-первых, структурировать оба явно гетерогенных полюса изучаемого взаимоотношения (социальное пространство, с одной стороны, и наличная преступность, с другой) и выделить в их структуре относительно гомогенные элементы (подструктуры); во-вторых, найти каждому выделенному элементу эмпирические референты (процесс операционального определения) и, в-третьих, с помощью математико-статистической обработки первичного эмпирического материала, отражающего рассматриваемые структуры как в целом, так и по отдельным элементам, выявить статистически значимые связи сперва внутри обеих структур, а затем и между ними.

Как можно заметить, в предлагаемой логике сливаются, с одной стороны, теоретический и эмпирический подходы, а с другой — процесс собственной разработки исходной концептуальной модели социальной обусловленности преступности с некоторыми элементами измерения. Это отнюдь не случайное слияние. Наоборот, учитывая сложность структуры социальных систем, в частности социального пространства и наличной преступности, следует весьма осторожно относиться к возможности моделировать их априорно, исходя непосредственно из теории. Надлежащая

теория, как правило, отсутствует, а ее создание немислимо без прочной эмпирической основы. В этой связи соединение теоретического и эмпирического подходов в процедуре социологического измерения на всех его этапах является насущной необходимостью.

Опирающийся на общую теорию строения и функционирования общества теоретический анализ, несомненно, в состоянии выделить в интегрирующихся нас системах т. н. компонентную структуру в смысле перечисления основных составляющих, компонентов системы. Так, например, можно сказать, что социальное пространство как система включает в себя экономический, социально-политический, семейно-бытовой, духовный и т. д. компоненты, каждый из которых, в свою очередь, представляет собой сложную подсистему множества компонентов. Вместе с тем легко заметить, что такого рода структура (вернее компонентный состав) не позволяет познать качественные характеристики системы. Иными словами, на основе лишь компонентной структуры нельзя ответить на вопрос, почему социальное пространство города X качественно отличается от социального пространства города $У$, хотя компоненты социального пространства и здесь и там одни и те же.

С точки зрения познания качественных характеристик системы, в частности социального пространства, необходимо, кроме компонентного состава, получить представление о структуре отношений между компонентами. Дело именно в том, что интегративные качества любой системы определяются не столько компонентным составом, сколько характером взаимоотношений между компонентами. Однако представляется, что именно здесь, при моделировании структуры взаимоотношений, чисто теоретический подход оказывается бессильным.

Действительно, на основе только теоретических соображений практически невозможно определить, какие связи из бесконечного множества возможных межкомпонентных и внутрикомпонентных связей как социального пространства, так и наличной преступности являются значимыми, системообразующими, а какие второстепенными. Еще в большей мере это относится к межсистемным связям, позволяющим, как уже было сказано, обнаружить социальные свойства преступности. Ответить на этот вопрос могут только соответствующие эмпирические данные. Без этих данных, в рамках чисто теоретического подхода, следовало бы предположить, что все возможные связи не только внутри систем социального пространства и наличной преступности, но и между ними являются равнозначными и связи с ними не могут быть оставлены за пределами исходной концептуальной модели социальной обусловленности преступности. Очевидно, однако, что это означало бы объять необъятное.

Оказывается, таким образом, что теоретическое обоснование показателей социальной обусловленности преступности, разработка исходной концептуальной модели вовсе не чисто теоретическая операция. Здесь непосредственно присутствуют эмпирические процедуры. Поэтому теоретическое определение (разработка алгоритма показателя) и операционализация (поиск эмпирических референтов) не являются различными процедурами, а представляют собой лишь взаимодополняющие аспекты одной и той же процедуры.

Поиск эмпирических референтов социального пространства и наличной преступности начинается с простого перечисления статистически фиксируемых проявлений обеих рассматриваемых систем. Естественно, что при этом целесообразно (с точки зрения полноты перечня) учитывать компонентный состав как социального пространства, так и наличной преступности. В результате такого перечисления получается структурированный список статистически фиксируемых характеристик, на основе которого можно приступить к сбору необходимого для эмпирического обоснования (операционализации) разрабатываемой исходной концептуальной модели первичного эмпирического материала.

Не затрагивая здесь источников соответствующего эмпирического материала, следует все же отметить, что несмотря на характер данных (пусть это будут данные государственной или ведомственной статистики, материалы выборочных исследований и т. п.), они представляют собой не больше чем своего рода сырьевой материал, откуда можно и нужно «выжимать» необходимую нам информацию, ибо априорно, без специальной обработки и систематизации, данные не являются информацией в точном смысле слова. Так, например, для характеристики каждого отдельного компонента социального пространства существует масса различного рода статистических данных. Однако только некоторая часть из них имеет непосредственное отношение к качественно-количественным характеристикам исследуемых компонентов, другие выступают как косвенные индикаторы, а третьи могут иметь значение лишь в качестве характеристик фоновых явлений. Кроме того, следует предположить, что многие данные просто дублируют друг друга и в этом смысле создают информационный «шум».

Очистка массива первичных эмпирических данных, извлечение из него самой информативной части и вместе с тем систематизация на основе содержательных критериев — все это и есть содержание операционализации, эмпирического обоснования исходной концептуальной модели социальной обусловленности преступности. Практически эта работа осуществляется с помощью машинной обработки с применением методик корреляционного анализа. В результате обработки получают информативные в отношении интересующих нас явлений статистические индикаторы, которые можно назвать показателями первого уровня, поскольку они есть носители информации о компонентном составе исследуемых явлений, т. е. являются по существу аналитическими, в связи с чем и не могут характеризовать взаимоотношений между отдельными компонентами.

Показатели первого уровня служат материалом для построения показателей второго уровня. В отличие от показателей первого уровня, которые выступают измерителями различных параметров отдельно взятых компонентов исследуемых систем, показатели второго уровня предназначены непосредственно для измерения и описания существующих (или предполагаемых) связей между выделенными компонентами. Построение показателей второго уровня требует выделения из совокупности показателей первого уровня относительно целостных, внутренне интегрированных групп показателей, которые и будут характеризовать наиболее общие закономерности существования и функционирования исследуемого фрагмента действительности. Решение подобной задачи, очевидно, немисливо вручную или же только на основе интуиции, а предполагает опять-таки машинную обработку с применением методов автоматизированной группировки.³

Как вытекает уже из принципа построения показателей второго уровня, речь идет о таких синтетических по существу измерителях, которые нельзя свести к какому-то одному числовому выражению. Показатели второго уровня — это именно структурированные на основе тесноты (силы) и направленности взаимных связей группы статистических индикаторов (показателей первого уровня), функция которых — скорее качественная, нежели количественная характеристика исследуе-

³ Описание природы и познавательных возможностей соответствующих методов можно найти в следующих трудах: *Браверман Э. М.* Методы экстремальной группировки параметров и задача выделения существенных факторов. — *Автоматика и телемеханика*, 1970, № 1, 123—132; *Муллат И. Э.* Экстремальные подсистемы монотонных систем. — *Автоматика и телемеханика*, 1976, № 5, 130—139; *Выханду Л. К.* Экспресс-методы анализа данных. — *Тр. Таллин. политехн. ин-та*, вып. 464, 1977, 21—37; *Hartigan, J. A.* *Clustering Algorithms*. New York, 1975, 84—107.

мых явлений. Их содержание требует специального раскрытия на уровне теоретической интерпретации результатов измерения. Это, конечно, не означает, что показатели второго уровня не обладают никакими количественными характеристиками. Такие характеристики существуют, но они не столько относятся к содержанию показателя, сколько позволяют судить о его статистической качественности и достоверности.

В заключение хочется подчеркнуть, что построение показателей представляет собой весьма сложную и вместе с тем ответственную процедуру исследования социальной обусловленности преступности. Сложность этой процедуры заключается в том, что показатели нельзя выдумать, сконструировать на основе чистой интуиции — их нужно действительно построить, соединяя при этом в органическое целое теоретический и эмпирический методы поиска. Ответственность процедуры построения показателей явствует из того обстоятельства, что именно качество показателей, их измерительные способности во многом определяют результативность исследования социальной обусловленности преступности.

Между тем качество показателей определяется, в основном, двумя обстоятельствами: во-первых, теоретической и эмпирической обоснованностью, лежащей в основе показателей исходной концептуальной модели и, во-вторых, качеством «строительного материала» — массива первичных эмпирических данных. Проблемы информационного обеспечения построения показателей исследования социальной обусловленности преступности в целом выходят за рамки данной статьи и будут рассмотрены отдельно.

Представил А. Кёёрна

Поступила в редакцию
31/III 1983

*Тартуский государственный
университет*

Eduard RASKA

KURITEGEVUSE SOTSIAALSE TINGITUSE INDIKAATORITE KONSTRUEERIMISEST

Kuritegevuse sotsiaalse tingituse mõõtmiseks vajalike indikaatorite konstrueerimine on eriomaselt loominguline protseduur, mis ühendab tunnetuse teoreetilise-metodoloogilised ja empiirilised aspektid. Artiklis on esitatud selle protseduuri üks võimalikke loogikaid ja struktuur.

Tartu Riiklik Olikool

Toimetusse saabunud
31. III 1983

Eduard RASKA

ÜBER DIE KONSTRUKTION DER INDIKATOREN DER SOZIALEN BEDINGTHEIT DES VERBRECHERTUMS

Auf der Basis der methodologischen Auffassungen über das Wesen und die Funktionen des Indikators analysiert man in dem Artikel diese Probleme, die in Verbindung mit empirischer Messung der Faktoren, die das Verbrechen bedingen, und mit der Konstruktion der entsprechenden Meßinstrumente — der Indikatoren — aufkommen.

Detalliert motiviert man den Standpunkt, nach dem die Konstruktion der nötigen Indikatoren zum Messen der sozialen Bedingtheit des Verbrechertums (wie jedweder gesellschaftlichen Massenerscheinung) eine schöpferische Prozedur, in der die theoretisch-methodologischen und die empirischen Aspekte der Erkenntnis organisch zusammenschmelzen, ist. Es werden eine Variante der Logik und die Struktur dieser Prozedur gegeben.

*Tartuer Staatliche
Universität*

Eingegangen
am 31. März 1983